

мозговая, не заставляющая бѣдняка съ гордымъ презрѣніемъ отворачиваться отъ нея, но происходящая отъ всеобъемлющаго и много страдавшаго сердца. Это сердце знаетъ и, — его знаніе куплено, быть можетъ, кровавыми слезами, — что всѣ люди, великіе и малые, богатые и бѣдные, угнетающіе и угнетенные, одинаково несчастны, одинаково страдаютъ, одинаково нуждаются, нуждаются страшно, до безумія, лишь въ одномъ: въ братскомъ привѣтѣ, братской всепонимающей, всепрощающей любви. Вотъ та правда, знать которую дано Ожешковой и о которой она говорила людямъ въ теченіе своей долготѣнной литературной дѣятельности. Можетъ быть, въ своихъ чистыхъ и поэтическихъ образахъ, выношенныхъ въ сердцѣ, эта правда нигдѣ не вылилась лучше, какъ въ одномъ изъ послѣднихъ произведеній нестарѣющей романистки, носящемъ мучающее и тревожащее, можетъ быть, нѣсколько сентиментальное заглавіе: «И пѣсня пусть заплачетъ»...

Ожешкова знаетъ правду жизни, великую въ ея простотѣ, и въ концѣ своей дѣятельности она видитъ уже совершенно ясно. Никакихъ обманчивыхъ сомнѣній больше не остается. Она видитъ все, и можетъ ли она украшать ее лживыми цвѣтами того чрезмѣрнаго счастья, котораго нѣтъ на свѣтѣ? Вотъ почему повѣсть носитъ элегическій характеръ и оставляетъ на душѣ читателя гнетущее впечатлѣніе.

* *

Литературная и художественная собственность. Издательское право на произведенія было узаконено во Франціи, можно сказать, случайно, кассационнымъ рѣшеніемъ парламента (конечно, не народнаго представительства, а высшаго юридическаго совѣта, соответствующаго нашему сенату) по частному дѣлу. Баснописецъ Ла-Фонтенъ продалъ право на изданіе своихъ сочиненій извѣстному книгопродавцу Барбэну, по всей вѣроятности, за гроши. Наслѣдники Барбэна въ теченіе долгихъ лѣтъ пользовались этимъ правомъ. Но когда въ 1760 году истекъ срокъ очередной цензурной привилегіи, внуки Ла-Фонтена обратились къ королю съ ходатайствомъ о предоставленіи новой привилегіи не Барбэну, а имъ, въ виду того, какъ говорилось въ прошеніи, что сочиненія ихъ дѣда принадлежатъ имъ по праву наслѣдованія. Апелляціонная жалоба книгопродавцевъ была отвергнута королевскимъ совѣтомъ. Книгопродавцы обратились въ парламентъ. Эта высшая юридическая инстанція удовлетворила ихъ ходатайство и кассировала привилегію, дарованную г-жамъ Ла-Фонтенъ.

Это рѣшеніе послужило своего рода законодательнымъ актомъ, утвердивъ за издателями вѣчное наслѣдственное право на купленные произведенія.

Общія основанія литературной и художественной собственности были заложены французской революціей: 19-го іюля 1791 года учредительное собраніе постановило, что авторы драматическихъ и музыкальныхъ произведеній имѣютъ пожизненное право запрещать представленія своихъ произведеній и что наслѣдники ихъ обладаютъ тѣмъ же правомъ въ теченіе пяти лѣтъ со дня смерти авторовъ. Этотъ срокъ вскорѣ былъ удлиненъ до десяти лѣтъ. Въ 1793 году то же право было распространено на всѣхъ литераторовъ, музыкантовъ, живописцевъ и рисовальщиковъ. Уголовная наказуемость плагиаторовъ была установлена уголовнымъ уложеніемъ 1810 года.

Въ послѣднее время право художественной собственности начинаетъ расширять свой объемъ. Новыя категоріи умственныхъ тружениковъ стараются обезпечить его за собой. Назовемъ хотя бы архитекторовъ и фотографовъ. Во Франціи, странѣ формализма, несмотря на республиканскій строй, юристами было поднятъ вопросъ, могутъ ли фотографы, которые несомнѣнно все поголовно родились послѣ 1793 года, ссылаться въ огражденіе своихъ правъ на законъ, изданный въ томъ году. Къ тому же законъ 1793 года относился къ рисункамъ, изготовленнымъ человѣческой рукою, а въ фотографическомъ дѣлѣ рисовальщикомъ является солнце. Несмотря на такія возраженія, законъ былъ истолкованъ въ пользу фотографовъ, и художественная цѣнность ихъ снимковъ признана не произведеніемъ солнца, а созданіемъ ихъ личнаго вкуса и таланта.

Право на литературную собственность распространено въ послѣднее время и на произведенія, не имѣющія ничего общаго съ литературою: каталоги, календари, объявленія, ежегодные отчеты, указатели желѣзныхъ дорогъ и такъ далѣе. Композиторы часто жаловались на безцеремонное обращеніе съ ихъ художественною собственностью со стороны шарманщиковъ. Увы, вслѣдствіе дипломатическихъ осложненій шарманщики побѣдили.

Въ 1866 году правительство Наполеона III вело переговоры съ Швейцаріей относительно художественной собственности. Узнавъ, что фабриканты шарманокъ и музыкальныхъ ящиковъ преслѣдуются во Франціи, если безъ разрѣшенія композитора запечатлѣваютъ его произведенія на валикахъ инструментовъ, швейцарскіе дипломаты возмутились; оказалось, что чуть ли не половина швейцарцевъ живетъ изгопвленіемъ шарманокъ. Французское правительство уступило и издало законъ въ пользу шарманщиковъ. Законъ этотъ существуетъ и до сихъ поръ, и текстъ его таковъ, что подъ понятіе шарманки пришлось отнести и фонографъ, чѣмъ, конечно, наносится большой ущербъ денежнымъ интересамъ композиторовъ.

Въ настоящее время законы о литературной собственности однородны въ большинствѣ странъ.

Бельгія, Данія, Венгрія, Норвегія, Португалія, Швеція и Россія признаютъ за авторомъ право собственности на срвкъ въ 50 лѣтъ либо со дня смерти автора, либо со дня перваго опубликованія произведенія.

Англія, Австрія и Швейцарія признаютъ это право на протяженіи 30 лѣтъ, Испанія—на протяженіи 80. Англія установила разные сроки въ зависимости отъ того, идетъ ли дѣло о музыкальномъ, литературномъ или художественномъ произведеніи. Италія обладает довольно сложной системой авторскаго права: это право является пожизненнымъ; если же авторъ умираетъ до истеченія 40 лѣтъ со дня перваго опубликованія произведенія, то права его на весь остатокъ указаннаго срока переходятъ къ его наслѣдникамъ. Въ теченіе сорока дальнѣйшихъ лѣтъ наслѣдники пользуются пятипроцентнымъ отчисленіемъ съ валового дохода съ произведенія. Наконецъ, въ Мексикѣ, Гватемалѣ и Венецуэллѣ право собственности является вѣчнымъ.

До сравнительно недавняго времени авторское право ограждалось лишь въ той странѣ, гражданиномъ кото рой былъ вторъ. Первый шагъ къ международной охранѣ собственности былъ сдѣланъ Наполеономъ III,

издавшимъ въ мартѣ 1802 года извѣстный указъ, воспрещавшій французскимъ гражданамъ совершать контрафакъци надъ иностранными произведеніями. Наполеонъ надѣялся, что остальные цивилизованныя націи послѣдуютъ примѣру Франціи. Но иностранцы оказались практичнѣе: восхищаясь справедливостью указа, они съ прежнимъ рвеніемъ продолжали обкрадывать французскихъ авторовъ. Пришлось обратиться къ системѣ защиты собственности путемъ международныхъ конвенцій.

Въ тридцатилѣтній періодъ съ 1852 до 1882 года былъ заключенъ рядъ частныхъ конвенцій, по большей части въ связи съ торговыми договорами. Наконецъ, 1883 году была выработана международная Бернская конвенція, дополненная въ 1886 году, къ которой присоединились Франція, Германія, Бельгія, Данія, Испанія, Великобританія, Италія, Японія, Швеція, Норвегія, Швейцарія, Тунисъ, островъ Гаити, княжество Монакское и другія страны, за исключеніемъ Россіи и Турціи. На основаніи этой конвенціи, граждане всѣхъ государствъ, подписавшихъ ее, пользуются въ этихъ государствахъ тою же охраною своихъ авторскихъ правъ, какою каждая отдѣльная страна представляетъ своимъ собственнымъ гражданамъ. Нѣсколько американскихъ государствъ заключили въ 1889 году конвенцію въ Монтевидео, однородную съ Бернской конвенціей. Россія не признаетъ правъ иностранцевъ. Впрочемъ, Михайловскій театръ по доброй волѣ платитъ гонораръ французскимъ авторамъ. Предупредительность едва ли уместна, если вспомнить, что французскіе антрепренеры и издатели весьма безцеремонно и безъ всякой галантности обкрадываютъ русскихъ писателей. Особое положеніе занимаютъ Соединенные Штаты. Въ теченіе долгаго времени они не предоставляли иностранцамъ никакой охраны авторскаго права. Теперь они теоретически примкнули къ конвенціи, но съ довольно значительными оговорками, такъ, на примѣръ: для того, чтобы книга пользовалась охраною американскихъ законовъ, нужно, чтобы она была набрана въ Америкѣ (на любомъ языкѣ) и притомъ прифтомъ, изготовленнымъ въ Америкѣ же.

Соединенные Штаты боятся, чтобы Англія и Канада не конкурировали съ американскою литературою, этою наиболѣе молодой и слабой отраслью американской промышленности. Только въ самое послѣднее время настроеніе нѣсколько мѣняется, потому ли, что окрѣпла американская литература, или потому, что связанные съ нею денежныя интересы признаны слишкомъ ничтожными, чтобы изъ-за нихъ ссориться съ Европой. Во всякомъ случаѣ въ годъ выставки въ Сентъ-Луи былъ изданъ законъ о временномъ покровительствѣ иностраннымъ художественнымъ и литературнымъ произведеніямъ.

Послѣднее время возникъ интересный вопросъ: имѣетъ ли право покупатель картины уничтожить ее? По старымъ законамъ тутъ не было даже спора. Купившій пріобрѣлъ вещь въ полную собственность и могъ сдѣлать все, что ему заблагоразсудилось бы. Во Франціи есть законъ о неприкосновенности историческихъ памятниковъ. Въ Италіи существуютъ постановленія того же характера о скульптурныхъ и архитектурныхъ произведеніяхъ. Но всѣ эти законы очень несовершенны. Все ихъ развитіе въ будущемъ.

Остается разсмотрѣть еще вопросъ о правѣ наследниковъ или покупателей видоизмѣнять пріобрѣтенное ими литературное или художествен-

ное произведеніе. Вообще говоря, законъ отрицаетъ такое право. Издателью нигдѣ не позволено передѣлывать сонетъ или гравюру. При жизни автора охрана его произведеній принадлежитъ ему самому. Послѣ его смерти оно переходитъ къ его наслѣдникамъ. Къ сожалѣнію, государство остается до сихъ поръ въ этомъ вопросѣ только безпристрастнымъ зрителемъ; между тѣмъ, помимо его активнаго содѣйствія осуществить надзоръ очень трудно; вѣдь есть даже изданіе стиховъ Пушкина, приспособленное для дѣвицъ, съ измѣненіями, полезными для нравственности и вредными для художественности. Съ другой стороны, нельзя отрицать права издателей научнаго произведенія снабжать его подстрочными примѣчаніями и поправками, хотя иной разъ усиліе какого-нибудь профессора Шульце показать свое просвѣщенное научное превосходство надъ устарѣлымъ Аристотелемъ, Декартомъ или Биша и производить комичное впечатлѣніе.

Не такъ давно Мирбо указалъ на варварство издателей, напечатавшихъ разсказъ Бальзака въ безграмотномъ извлеченіи, причѣмъ вставилъ, написанныя средневѣковымъ стилемъ, были переведены на современный французскій языкъ. Конечно, такое извращеніе должно шокировать всѣхъ, у кого есть вкусъ, но вотъ вопросъ, какъ съ нимъ бороться? Вѣдь даже Шуманъ переименовалъ «Марсельезу», приспособивъ ее для своихъ «Двухъ гренадеровъ». Единственное, чего можно требовать въ данномъ случаѣ, — это открытое указаніе, что произведеніе преподносится публикѣ въ измѣненномъ видѣ.

Основы авторскаго права заложены въ неприкосновенности ихъ индивидуальности и ихъ мысли; къ сожалѣнію, это право до сихъ поръ не нашло яснаго и полнаго воплощенія въ существующемъ законодательствѣ.

* * *

Соціологическіе взгляды Буржэ. Въ своихъ «Первыхъ опытахъ современной психологіи», въ своихъ стихахъ и первыхъ романахъ Буржэ своей нервностью, чарующей меланхоличностью и исключительнымъ психологическимъ анализомъ быстро привлекъ къ себѣ избранное общество. Трилогія его соціальныхъ романовъ: «Ученикъ», «Этапъ» и «Разводъ», свидѣтельствуетъ о томъ, какъ сильно овладѣли его разумомъ соціальныя задачи нашего времени: пагубное вліяніе философіи, которая освобождаетъ духъ, но не даетъ человѣку власти надъ собой; опасность слишкомъ быстраго перехода семействъ изъ низшаго класса въ высшіе; распаденіе семьи вслѣдствіе разрыва брачныхъ узъ; опасность современной школы и демократическихъ иллюзій.

Въ настоящіе время вмѣсто абстрактныхъ теорій Буржэ даетъ намъ полныя жизни этюды съ натуры.

Въ своемъ этюдѣ о первомъ томѣ переписки Тэна Буржэ проводитъ параллель между мятежнымъ студентомъ-пролетаріемъ Жюлемъ Валлесомъ, призывавшимъ къ гражданской войнѣ, и Тэномъ, тоже студентомъ, но столь твердымъ въ традиціяхъ и столь вѣрнымъ положительнымъ методамъ науки. Еще въ качествѣ бѣднаго школьнаго учителя, отпавленнаго въ глухую провинцію за свое свободомысліе, Тэнъ съ той поразительной зрѣлостью сужденія и съ тѣмъ твердымъ самообладаніемъ, какіе проявляются уже въ первыхъ его письмахъ, принимаетъ авторитетъ государства и соціальное неравенство, такъ какъ понимаетъ